«МИХАИЛ АРДОВ»

СЕРЖАНТ ЗВУКА

ЛОНДОНСКИЙ СПЛИТ

Михаил Ардов
Сержант звука. Лондонский сплит

https://litres.ru/74803194
SelfPub; 2026

Аннотация

Париж повержен, «Олимпия» взята без электричества, а западные спецслужбы с позором отступили. Казалось бы, пора возвращаться домой триумфаторами, но у Лубянки и МИД СССР на нас другие планы. На пороге 1981 год, и наш маршрут меняет курс на туманный, суровый Лондон эпохи Железной леди.

Впереди — запись в легендарной студии Abbey Road, стадион «Уэмбли» и контракт на миллион фунтов с британским лейблом. Но за кулисами музыкального прорыва идет холодная война без правил. Агенты МИ-6 расставляют изощренные ловушки, недобитые оперативники ЦРУ жаждут мести в темных переулках Сохо, а Маргарет Тэтчер лично пытается прощупать паренька, чьи песни слишком точно предсказывают будущее.

Чтобы уберечь Свету, сорвать провокации и разыграть фолклендскую карту в интересах Союза, мне придется выжать максимум из своего опыта. Ставки на пределе, но старый лабух готов взорвать британские чарты!

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР 4
Глава 1. Туман над Темзой 6
Глава 2. Магия Abbey Road 11
Глава 3. Чай с Железной леди 17
Глава 4. Британский гамбит 22
Глава 5. Ночн 27
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Михаил Ардов
Сержант звука.
Лондонский сплит

ДИСКЛЕЙМЕР

Данное произведение является художественным вымыслом и написано в жанре альтернативной истории, шпионского детектива и фантастики. Все персонажи, включая тех, кто имеет реальные исторические, культурные или политические прототипы, являются вымышленными собирательными образами и частью авторского творческого замысла. Автор выражает глубокое уважение к истории, культуре и реальным деятелям описываемой эпохи.

Любые упоминания реальных лиц, политических деятелей, названий музыкальных коллективов, студий звукозаписи, брендов и государственных организаций (включая спецслужбы различных стран) служат исключительно для воссоздания ретро-атмосферы начала 1980-х годов и не преследуют цель оскорбить чью-либо честь, достоинство или деловую репутацию.

Все совпадения вымышленных сюжетных линий с реальными событиями случайны.

Глава 1. Туман над Темзой

Ноябрьский Лондон образца 1980 года пах угольным дымом, мокрой шерстью и старыми деньгами. После легкой, искрящейся шампанским и неоном парижской осени столица Великобритании давила на плечи тяжелым, свинцовым небом и пронизывающим до костей сырым ветром с Темзы.

Черные, похожие на старинные кареты кэбы *Austin FX4*мягко шуршали шинами по влажной брусчатке Стрэнда, увозя советскую делегацию от аэропорта Хитроу прямо в сердце Вестминстера. Светка Соколова прильнула к холодному стеклу автомобиля, с широко раскрытыми глазами разглядывая проплывающие мимо ярко-красные двухэтажные автобусы, строгие викторианские фасады и знаменитые красные телефонные будки.

— Миш, здесь всё такое... огромное и суровое, — тихо прошептала она, крепче сжимая его ладонь. — Будто мы попали в декорации к «Шерлоку Холмсу». Только вместо кэбов с лошадьми — машины.

— Привыкай, Светик, — Миша Артемьев ободряюще улыбнулся, поправляя воротник своей утепленной кожаной куртки. — Это столица мировой рок-музыки. Здесь ковался звук, который перевернул двадцатый век. И завтра мы зайдем в святая святых этого звука.

Кортеж плавно затормозил под знаменитым серебристым

козырьком отеля «Савой» — одной из самых роскошных и чопорных гостиниц мира, где останавливались Уинстон Черчилль, Фрэнк Синатра и *The Beatles*. Швейцары в безупречных ливреях с золотыми пуговицами мгновенно бросились выгружать кофры с немецкими синтезаторами и гитарами, бережно обращаясь с каждым ящиком.

В просторном холле, сияющем мрамором, хрусталем и полированным красным деревом, группу уже ждал Артур Пендлтон. Высокий британец в безупречном твидовом костюме-тройке стоял у стойки регистрации, лениво опираясь на свой туго свернутый зонт-трость. Его лицо выражало вежливое, ледяное радушие кадрового аналитика МИ-6.

— Надеюсь, поездка из аэропорта не утомила вас, леди и джентльмены, — произнес Пендлтон на чистейшем оксфордском английском, когда советский чиновник из МИДа и лейтенант КГБ Володя закончили оформлять документы. — Ваши апартаменты на четвертом этаже готовы. Ужин подадут в восемь в малом банкетном зале. А завтра ровно в девять утра лимузины доставят вас на Эбби-Роуд. Инженеры *EMI*с нетерпением ждут возможности услышать ваше... уникальное советское оборудование.

Пендлтон перевел свой холодный, как лондонский туман, взгляд на Мишу Артемьева и едва заметно прищурился:— Кстати, мистер Артемьев, по поводу вашего утреннего замечания в Хитроу... Забастовка докеров в Ист-Энде действительно началась час назад. Поразительная интуиция. Уверен,

в Лондоне у нас будет масса тем для увлекательных бесед.

— Интуиция музыканта, мистер Пендлтон, — спокойно парировал Миша, отвечая на таком же безупречном английском с легкой полуулыбкой. — Мы просто умеем слышать фальшь и приближающийся шторм раньше, чем дирижер взмахнет палочкой. До вечера.

Едва тяжелая дубовая дверь роскошного двухкомнатного люкса захлопнулась за спиной Миши и лейтенанта Володи, который зашел проверить помещение перед тем, как пустить туда Свету, настроение в комнате мгновенно изменилось.

Огромная кровать под балдахином, тяжелые бархатные шторы, антикварные часы на каминной полке и панорамный вид на темную, свинцовую гладь Темзы — всё это дышало аристократическим шиком. Но 62-летний опыт звукорежиссера из 2026 года, всю жизнь проработавшего с микрофонами, кабелями и частотами, сработал у Миши на уровне инстинктов.

Он молча поднял палец к губам, останавливая Володю, который уже собирался достать из портфеля штатный прибор для поиска жучков.

Миша неторопливо прошел к массивному письменному столу, затем остановился у резной рамы старинного зеркала над камином и едва заметно хмыкнул. В крошечном зазоре лепнины, идеально замаскированном под темную патину, блеснула микроскопическая стеклянная линза конденсаторного микрофона. Второй передатчик был профессионально

вмонтирован прямо в корпус массивного дискового телефона на тумбочке.

Британская разведка не мелочилась. Они поставили аппаратуру высшего класса, рассчитывая писать каждый вздох «московского оракула».

Лейтенант Володя беззвучно выругался, сделав жест рукой, предлагая немедленно вырвать провода или включить генератор белого шума. Но Миша отрицательно покачал головой. Он достал из кармана блокнот, быстро написал на листе: *«Не трогай. Пусть слушают. Будем кормить их дезинформацией по нотам»*— и показал офицеру КГБ.

Володя уважительно кивнул, оценив хладнокровие семнадцатилетнего парня.

Миша подошел к окну, распахнул тяжелую раму, впуская в душный люкс ледяной, пахнущий рекой и дождем лондонский воздух, и громко, четко произнес в пустоту комнаты, зная, что на другом конце провода аналитики МИ-6 уже крутят ручки громкости на своих магнитофонах:

— Ну что, Володя, отличный отель. Передай Юрию Чернявскому, пусть готовит «Поливокс». Завтра на *Abbey Road*мы запишем такой звук, что у самой Маргарет Тэтчер чашка с утренним чаем задрожит. Американцы в Париже уже поняли, что с нами шутки плохи. Посмотрим, хватит ли выдержки у британских джентльменов.

Внизу, сквозь пелену тумана, огни Лондона отражались в черной воде Темзы. Большая игра на берегах Альбиона на-

чалась. И «Сержант звука» уже занял место за главным пультом этой партии.

Глава 2. Магия Abbey Road

Ранним ноябрьским утром белый двухэтажный особняк на улице Эбби-Роуд, 3 в тихом районе Сент-Джонс-Вуд выглядел обманчиво скромно. Никаких кричащих вывесок или неоновых витрин. Лишь знаменитый пешеходный переход «зебра» у ворот, где даже в этот промозглый час топтались несколько туристов с фотоаппаратами, да белая каменная ограда, исписанная признаниями в любви к *The Beatles*на десятках языков мира.

Но едва советская делегация переступила порог культовой Второй студии лейбла *EMI*, у Юрия Чернявского перехватило дыхание. Огромный, высотой в два этажа тон-зал с идеальной акустикой, легендарный деревянный паркет, помнивший шаги Джона Леннона и Пола Маккартни, и сияющий сотнями индикаторов огромный микшерный пульт *EMI TG12345*за толстым звуконепроницаемым стеклом аппаратной.

Светка Соколова замерла посреди зала, запрокинув голову, и тихо прошептала:— Миша... здесь даже воздух другой. Будто музыка прямо в стенах живет.

— Так и есть, Светик, — Миша Артемьев бережно опустил на паркет кофр со своим немецким басом *Ibanez*. — Здесь писалась история. А сегодня мы впишем в неё нашу главу.

Навстречу им из аппаратной неторопливо вышел старший звукорежиссер студии — худощавый, седовласый англичанин лет пятидесяти в безупречной белоснежной рубашке с закатанными рукавами и аккуратном галстуке. Его звали мистер Бейкер, и он начинал свою карьеру еще ассистентом на записях *Pink Floyd*. За его спиной с плохо скрываемым, снисходительным любопытством стояли двое молодых лондонских техников.

— Добро пожаловать на Эбби-Роуд, мистер Артемьев, — Бейкер вежливо, но сухо кивнул, даже не протянув руки. — Нам передали распоряжение из министерства. Мы выделили вам четыре часа студийного времени. Но, признаюсь честно, я не совсем понимаю, как мы будем коммутировать ваши... советские клавишные с нашей консолью. У нас здесь строгие стандарты *EMI*, а не кустарные схемы.

Юрий Чернявский нахмурился, готовый вспыхнуть и начать доказывать гениальность советской инженерной мысли, но Миша мягко положил руку ему на плечо, останавливая. Опыт 62-летнего звукорежиссера из 2026 года подсказывал: с британскими снобами спорить бесполезно. Их нужно бить фактами и безупречным звуком.

— Не переживайте, мистер Бейкер, — спокойно ответил Миша на чистом английском. — Выходное сопротивление нашего синтезатора «Поливокс» мы согласуем через ваш студийный директ-бокс *BSS*. Только, пожалуйста, отключите штатный лимитер на третьем канале пульта и дайте легкую

компрессию на шину ударных. А для вокала Светланы нам понадобится ламповый *Neumann U47*из вашей золотой коллекции. Тот самый, на который писался *Abbey Road*.

Мистер Бейкер замер. Его седые брови медленно поползли вверх. Молодые техники за его спиной удивленно переглянулись. О существовании конкретного лампового *U47*, спрятанного в закрытом сейфе студии для особых случаев, знали только штатные ветераны *EMI*. А технический сленг семнадцатилетнего паренька из Москвы звучал так, словно он провел за английскими консолями не меньше тридцати лет.

— Хм... Весьма осведомленный молодой человек, — Бейкер впервые посмотрел на Мишу с неподдельным профессиональным интересом. — Дженкинс, принеси из хранилища сорок седьмой! И подготовьте директ-бокс для русского синтезатора. Посмотрим, на что способна эта советская коробка.

Через двадцать минут коммутация была завершена. Чернявский, надев тяжелые студийные наушники, хищно потер ладони над клавиатурой «Поливокса». Миша занял место у басового комбика, Борька Щукин сел за студийную установку *Ludwig*, а Света зашла в вокальную кабину, встав перед тем самым легендарным серебристым микрофоном, в который пели величайшие голоса планеты.

За стеклом аппаратной, рядом с мистером Бейкером, тихо пристроился аналитик МИ-6 Артур Пендлтон, явивший-

ся на студию якобы «проконтролировать комфорт гостей».

— Пишем начисто, без дублей, — бросил Миша в микрофон внутренней связи. — Показываем Лондону нашу «Группу крови» в новой электронной обработке на английском. Боря, задай темп. Поехали!

Щукин хлёстко ударил палочками, задавая жесткий, пульсирующий ритм. Чернявский вдавил клавиши «Поливокса», и по огромному залу *Abbey Road*прокатился такой жирный, рычащий, космический аналоговый бас, что у мистера Бейкера задрожали стекла в роговых очках. Это был не просто звук — это была звуковая стена будущего, соединяющая холодный британский синти-поп с русской тоской и драйвом.

Миша вступил на басу, идеально ложась в грув, а затем к микрофону шагнула Света.

Её хрустальное, невероятное сопрано, подхваченное винтажными лампами *Neumann U47*, заполнило аппаратную таким чистым, пронзительным и объемным звуком, что один из молодых британских техников буквально открыл рот, забыв следить за индикаторами уровня сигнала. Света пела на безупречном английском, вкладывая в каждую строчку всю душу и пережитый в Париже адреналин.

Когда стих последний, уходящий в бесконечное эхо космический аккорд синтезатора, в аппаратной *Abbey Road*повисла мертвая, звенящая тишина.

Мистер Бейкер медленно снял наушники, положил их на консоль и долго смотрел через стекло на семнадцатилетнего

Мишу Артемьева. Британский снобизм испарился без следа.

— Потрясающе... — негромко произнес старший звукорежиссер, качая головой. — За двадцать лет работы в этой студии я слышал многое, мистер Артемьев. Но этот ваш советский синтезатор в сочетании с голосом мисс Соколовой... Это абсолютный хит. *EMI* выпустит этот сингл к Рождеству, и я ставлю свою репутацию на то, что к Новому году он войдет в первую десятку британского хит-парада.

Стоявший у двери Артур Пендлтон вежливо похлопал в ладоши, но его холодные глаза оставались серьезными. Британский разведчик понял: этот русский парень опасен вдвойне. Он покоряет сердца англичан быстрее, чем МИ-6 успевает расшифровывать его политические прогнозы.

— Блестяще, мистер Артемьев, — произнес Пендлтон, делая шаг в тон-зал. — Кстати, у меня для вас срочная новость. Ваша запись уже произвела впечатление на самых высоких этажах Вестминстера. Сегодня в пять вечера вас и мисс Соколову ждут на закрытый чай на Даунинг-стрит, 10. Сама премьер-министр Маргарет Тэтчер желает лично поприветствовать юных гениев из Москвы.

Миша переглянулся со Светой, в глазах которой вспыхнул испуганный восторг, и спокойно улыбнулся британскому шпиону. Приглашение к Железной леди было не просто жестом вежливости — это был вызов на высшую политическую дуэль.

Вторая глава завершена на мощном музыкальном и шпи-

онском подъеме! Звук на *Abbey Road*покорен, а впереди героев ждет личная встреча с премьер-министром Великобритании.

Глава 3. Чай с Железной леди

Черная лакированная дверь дома 10 на Даунинг-стрит выглядела обманчиво скромной на фоне монументальных правительственных зданий Вестминстера. Никакой помпезной охраны на входе — лишь одинокий полисмен в высоком шлеме у крыльца да цепкие, сканирующие взгляды людей в штатском, замерших за плотными шторами первого этажа.

Миша Артемьев и Светка Соколова поднялись по широкой парадной лестнице, стены которой украшали портреты всех британских премьер-министров прошлого. Сопровождавший их Артур Пендлтон шел чуть впереди, сохраняя ледяное достоинство. Советского чиновника из МИДа и лейтенанта КГБ Володю вежливо попросили подождать в нижней приемной — протокол закрытой беседы допускал в гостиную только самих артистов.

Света шла рядом, стараясь держать спину прямо. На ней было строгое темно-синее платье с белым кружевным воротничком, купленное в Париже. Она слегка нервничала, но пальцы её, лежащие на локте Миши, не дрожали. После ночной «Олимпии» и записи на *Abbey Road*никакие английские лорды уже не могли её напугать.

Дверь Белой гостиной бесшумно распахнулась.

У мраморного камина, в котором уютно потрескивали березовые поленья, стояла женщина. Безупречный синий ко-

стюм, нитка крупного жемчуга на шее, жесткая, лакированная прическа волосок к волоску и пронзительный, стальной взгляд светлых глаз, от которого, казалось, в комнате сразу становилось прохладнее.

Маргарет Тэтчер. Железная леди. Человек, который в эти самые месяцы конца восьмидесятого года начал беспощадную ломку старой британской экономики.

— Добрый вечер, мистер Артемьев, мисс Соколова, — произнесла она низким, властным, идеально поставленным голосом, протягивая руку для легкого, сухого рукопожатия. — Я прослушала пленку, которую мне привезли с Эбби-Роуд два часа назад. Должна признать, это впечатляет. В Советском Союзе умеют делать не только тяжелые ракеты, но и весьма современную музыку. Прошу, присаживайтесь. Чай уже подан.

Они сели в глубокие кожаные кресла у низкого столика, заставленного фарфоровыми чашками и серебряными щипцами для сахара. Пендлтон бесшумно пристроился у окна, превратившись в каменное изваяние.

Тэтчер сама разлила чай из тяжелого серебряного чайника, добавила молока и посмотрела прямо на Мишу. В её глазах не было ни капли светского пустословия — только холодный, цепкий расчет политика высшего ранга.

— Мой советник мистер Пендлтон доложил мне, что вы, молодой человек, обладаете удивительным даром предвидения, — негромко начала премьер-министр, отпивая чай.

— Забастовки докеров в Ист-Энде, политические сдвиги во Франции... В Кремле, вероятно, очень дорожат таким талантом. Скажите мне честно, мистер Артемьев, как музыкант политику: как долго, по-вашему, продержится ваша советская система? Неужели вы верите, что плановая экономика способна победить свободный рынок?

Это был прямой, жесткий идеологический выпад. Тэтчер проверяла его на прочность, пытаясь нащупать в «советском оракуле» трещину, через которую МИ-6 смогла бы начать вербовку.

Миша спокойно отпил горячий английский чай. Опыт 62-летнего человека из 2026 года, пережившего распад Союза, лихие девяностые и все мировые кризисы XXI века, позволил ему посмотреть на Железную леди без малейшего трепета.

— Госпожа премьер-министр, — мягко, с вежливой полуулыбкой ответил Миша. — Рынок и план — это лишь инструменты. Как синтезатор и акустическая гитара. Всё зависит от того, кто стоит за пультом. Наша страна переживет любые штормы, потому что у нас есть главное — люди, способные создавать шедевры вопреки любым запретам.

Миша сделал небольшую паузу, аккуратно поставил чашку на блюдце и посмотрел Тэтчер прямо в глаза, понизив голос:— А вот вам, мэм, в ближайшие полтора года придется проявить всю вашу знаменитую твердость. На юге Атлантики скоро станет очень жарко. Военная хунта в Буэнос-Айре-

се решит отвлечь свой народ от экономического краха маленькой победоносной войной. Они высадятся на островах, которые вы называете Фолклендскими, а они — Мальвинскими. Ваше правительство окажется на грани отставки. И спасти вашу политическую карьеру сможет только жесткий, рискованный бросок Королевского флота через весь океан.

В Белой гостиной повисла мертвая тишина. Слышно было только, как тикают старинные напольные часы в углу да потрескивает уголь в камине.

Маргарет Тэтчер замерла с чашкой в руке. Её стальной взгляд на долю секунды дрогнул, в глубине зрачков мелькнуло искреннее потрясение. Артур Пендлтон у окна резко выпрямился, его рука инстинктивно сжалась на ручке зонта. В ноябре 1980 года о возможном вторжении Аргентины на Фолкленды в Лондоне не думал никто — дипломаты вели вялые переговоры, и угроза войны казалась абсурдом.

Тэтчер медленно опустила чашку на столик. Она долго молчала, изучая лицо семнадцатилетнего советского паренька в кожаной куртке.

— Вы... весьма смелый юноша, мистер Артемьев, — наконец произнесла она тихо, но с ледяным металлом в голосе. — И ваши прогнозы звучат как сценарий для остросюжетного романа. Но запомните одно: Британия никогда не уступает то, что принадлежит Короне. Ни на островах, ни здесь, в Лондоне.

Она повернулась к Свете, и на лице Железной леди впер-

вые появилась теплая, почти материнская улыбка:— А у вас, мисс Соколова, поистине ангельский голос. Я с удовольствием приду на ваш концерт на «Уэмбли», если позволит график. Удачи вам в Лондоне.

Аудиенция была окончена. Когда Миша и Света вышли на промозглый вечерний воздух Даунинг-стрит, за ними бесшумно закрылась черная дверь.

Миша почувствовал, как Света крепко сжала его руку.— Миш... у меня мурашки по коже, — прошептала она, оглядываясь на освещенные окна резиденции. — Она смотрела на тебя так, будто ты видишь её насквозь.

— Так и есть, Светик, — тихо ответил Миша, увлекая её к поджидающему посольскому лимузину. — Но теперь будь предельно внимательна. После этого разговора МИ-6 и недобитые американцы не спустят с нас глаз. Сегодня ночью начнется настоящая охота.

Он оказался прав на сто процентов. Лондонский туман сгущался, и где-то в его серых переулках уже ждали те, кто не собирался отпускать «советского оракула» обратно в Москву.

Глава 4. Британский гамбит

Ночной Лондон пах сырым асфальтом, угольной гарью и холодной водой Темзы. После напряженной аудиенции на Даунинг-стрит группа вернулась в «Савой», но праздничного ужина не вышло. Юрий Чернявский тут же заперся в номере с портативным синтезатором и наушниками, дорабатывая аранжировку к предстоящему концерту на «Уэмбли», а Юрий Айзенштадт с лихорадочным блеском в глазах уехал на закрытую встречу с юристами *EMI*по поводу роялти.

Миша сидел в своем люксе, лениво перебирая струны отключенного от усилителя баса *Ibanez*. В соседней комнате Света разбирала нотные тетради, напевая вполголоса мелодию будущего хита. За дверью в коридоре дежурил лейтенант КГБ Володя, но Миша кожей чувствовал: после разговора с Маргарет Тэтчер британская разведка перейдет от вежливого наблюдения к активным действиям.

Ровно в десять вечера в дверь номера коротко и уверенно постучали.

Володя приоткрыл створку, перекинулся парой тихих фраз с визитером и пропустил внутрь Артура Пендлтона. Аналитик МИ-6 выглядел безупречно, как и днем, но его ледяная маска светского дипломата исчезла. В руках он держал тонкий кожаный портфель.

— Доброй ночи, мистер Артемьев, — сухо произнес бри-

танец, проходя к столу и даже не взглянув на настороженно замершего у двери офицера КГБ. — Полагаю, нам нет нужды прятаться от прослушки, о существовании которой вы так любезно дали понять еще вчера. У меня к вам деловое предложение от имени британской короны.

Пендлтон щелкнул замками портфеля, достал плотный конверт из желтой бумаги и положил его прямо перед Мишей.

— Госпожа премьер-министр была глубоко впечатлена вашей осведомленностью о Южной Атлантике. В Лондоне умеют ценить редкие таланты. Мы предлагаем вам остаться в Великобритании. Не как беженцу, а как закрытому аналитическому советнику при правительстве. Вилла в Суррее, неограниченные счета в банке Барклайз, лучшие студии мира для вас и мисс Соколовой.

— А если я откажусь? — спокойно спросил Миша, откладывая гитару в сторону.

Пендлтон тонко, почти хищно усмехнулся и постучал пальцем по желтому конверту:— Тогда завтра утром эти документы попадут на стол советского посла в Лондоне, а копии уйдут прямиком в Москву, в Политбюро. Здесь неопровержимые банковские выписки и фотографии того, как ваш уважаемый отец, Николай Васильевич Артемьев, якобы тайно скупал золотые слитки через подставных лиц в Швейцарии во время заграничных командировок. Идеальная фабрикация наших лучших специалистов. Для вашего отца это

означает немедленное исключение из партии, позор и пятнадцать лет лагерей с конфискацией имущества. Вы же не хотите разрушить жизнь собственной семьи ради упрямства, Майкл?

У Миши внутри всё сжалось в тугой, ледяной комок. Британцы били точно и подло, гораздо тоньше, чем грубые американские оперативники в Париже. Подставить отца через швейцарские счета — в СССР 1980 года такое обвинение смывалось только кровью.

Именно в эту секунду в коридоре резко зазвонил дежурный телефон на посту лейтенанта Володи. Офицер КГБ схватил трубку, выслушал короткий доклад, и его лицо мгновенно побледнело.

— Артемьев! ЧП! — рявкнул Володя, врываясь в комнату и выхватывая из-под пиджака табельный ПМ. — Мисс Соколова двадцать минут назад спустилась вниз в аптечный киоск отеля за таблетками от головы! Дежурный у входа доложил: к выходу подъехал черный фургон без номеров, двое в масках затолкали её внутрь и рванули в сторону станции метро «Чаринг-Кросс»!

Слова кагэбэшника ударили Мишу словно разряд тока. Вся комсомольско-номенклатурная шелуха и холодность 62-летнего продюсера слетели в одно мгновение, уступив место первобытной ярости семнадцатилетнего парня, у которого на глазах украли самое дорогое.

Миша перевел тяжелый, горящий бешенством взгляд на

побледневшего Артура Пендлтона.— Это твоих рук дело, тварь?! — прошипел Миша, сжимая кулаки так, что хрустнули костяшки.

— Клянусь честью офицера, нет! — Пендлтон инстинктивно отшатнулся к стене, выставив вперед руки. — МИ-6 не занимается уличным криминалом! Это американцы! Остатки разгромленной в Париже резидентуры Лэнгли! Они поклялись отомстить вам за срыв операции во Франции и решили ударить через девчонку!

Миша не стал тратить ни секунды на пустые угрозы. Он рванул со спинки стула свою кожаную куртку и бросился к выходу из люкса.

— Володя, поднимай всех наших из посольства! Машину к черному ходу! — на бегу крикнул Миша, выскакивая в коридор. — Пендлтон, если через полчаса твои люди из Скотленд-Ярда не перекроют все выезды из Сохо и ветку метро «Чаринг-Кросс», завтра утром вся британская пресса узнает о тайных счетах вашей разведки в Аргентине! Бегом!

Оставив ошарашенного аналитика МИ-6 и схватившегося за рацию кагэбэшника позади, Миша кубарем скатился по парадной лестнице «Савоя». Ночной Лондон встретил его ледяным дождем и воем далеких полицейских сирен. Американские гиены загнали Свету в темные тоннели старой подземки, не подозревая, что «Сержант звука» готов разнести весь этот туманный город по кирпичикам, но вырвать её из лап врага.

Глава 5. Ночн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.